

ДИЛАН ТОМАС

От переводчика

Дилан Томас - один из классиков модернизма. Английский, точнее - валлийский поэт. Библейские мотивы - и стремление говорить о духе на языческом языке плоти. Богатая - и несколько хаотичная - образность. Сложнейшая звуковая организация текстов, к сожалению, почти не передаваемая в переводе. Подорванное алкоголем здоровье, смерть в 1953 году в возрасте 39 лет - и воскресение в Бобе Дилане, взявшем свой псевдоним именно в честь Дилана Томаса.

Александр Уланов

ЛЮБОВЬ В ПРИЮТЕ

Чужая пришла
разделить мою комнату в доме неправильно в голове,
девушка, безумная, как птица,

беспокоящая ночь двери своей рукой и своим пером.

Пролив в запутанной постели.
Она обманывает входящим облаком небонепроницаемый дом,

еще она обманывает, прогуливаясь комнатой ночных кошмаров,

большой, как смерть,
или скользя воображаемым океаном палат мужских.

Она идет, одержимая,
пропуская обманчивый свет сквозь хвастливую стену,
небесами одержимая,

она спит в узком желобе и еще гуляет по пыли,
еще бродит по воле своей
по сцене желтого дома, одетая тонко моими истериками бродячими.

И, взятый светом в ее руках в последнее долгое и дорогое,
без неудачи могу
вытерпеть первую грезу, что ставит к звездам огонь.

* * *

Звезды плывут вдоль пустоты в эту весну;
в эту декоративную зиму,
пух засыпает неприкрытую погоду;
это лето хоронит весеннюю птицу.

Символы выбраны из берегов
медленно кружащихся сезонов,
осенью три времени года, три огня
и четыре птичьих ноты учат меня.

Я буду лету говорить с деревьев, черви
расскажут, если всюду от зимы приходят бури
иль похороны солнца;
меня весне научит кукованье,
научит слизень, что есть разрушенье.

Расскажут черви лету лучше, чем часы,
живущий слизняковый календарь;
но что же скажут мне, когда, подняв усы,
кузнечик вечный говорит, что мир протерт до дыр?

* * *

Сказано ли богам тяжело ударять облаками,
когда прокликает гром облака?
Будет сказано плакать, когда непогода клочками?
Радуги будут в туниках цветных, поясках?

И где же боги, если дождь идет?
Они расскажут это брызгам леек
или свободному теченью вод?

И будет сказано, о мудрая Венера,
что груди божьи сжаты, стары и больны,
сырая ночь бранит меня, как нянька?

И будет сказано, что боги - это камни.
И будет капающий камень по земле
мелодию выстукивать? Пусть камни говорят
на языке, что говорит со всеми языками.

* * *

Солнце сжигает утро, в сознании куст;
луна идет по реке, поднимая смерть;
здесь пустыня моя, где блуждает кровь;
пот на лице оставляет знак;
и прибито сердце стонущее к стене.

Здесь вселенной хлеб поместился в кость,
здесь спаситель, который, как птица, поет,
здесь укрывается ночь и светит звезда,
здесь говорит ребенок слово свое
первое под пеленой в хлеву.

Парус луны и солнца - здесь, под ребром;
и на груди ребенка начерчен крест,
и пришит к голове его алый терн;
дважды платит болью, мучаясь, мать:
однажды - за сына Девы, однажды - за своего.

* * *

Была вначале трехконечная звезда,
одна улыбка света сквозь лицо пустое;
одна ветвь кости через приковавший воздух,
раздвоенное вещество, что костным мозгом на-
полняло солнце;
цифры горят на круге пространства,
спрядены ад и небо в единую нить.

И подпись бледная была вначале,
трехсложная, улыбкою светилась;
потом пришли следы, что на воде,
и на луну пришел чекан лица;
кровь, что трогала древо креста и Грааль,
трогала первое облако и оставляла знак.

Вначале был огонь, пришедший с гор,
огонь, заженный бурями от искры,
трехглазой, красноглазой, острой, как цветок;
вставала жизнь, лилась потоком из морей,
из земли и скалы нагнетенная, взрывающаяся в
корнях
тайная нефть, что движет траву.

Вначале было слово, слово,
что на основе твердой света получило
всю сумму писем пустоты;
и от основы облачной дыханья
хлынуло слово, переводящее сердцу
первые буквы рожденья и смерти.

И был вначале тайный ум,
что был запряган и запаян в мысль
прежде, чем солнцу был разветвлен путь;
прежде, чем жилки вздрогнули всем решетом
своим,
кровь распустилась и бросилась к ветру света
в ребрах первоисточника любви.